

**ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА**  
(О монографии: Поплавская, И. А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в. / И. А. Поплавская. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2010. – 378 с.)  
*Л. А. Ходанен*

**PRODUCTIVE MODELS OF DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XIXth CENTURY (the monograph: Poplavskaya, I. A. Types of poetry and prose interaction in the Russian literature of the first third of the XIXth century / I. A. Poplavskaya. – Tomsk: Tomsk university publishing house, 2010. – 378 p.)**  
*L. A. Khodanen*

В рецензии рассматривается монографическое исследование И. А. Поплавской, посвященное изучению поэзии и прозы как двух типов художественности и разным формам их взаимовлияний и взаимодействий на материале творчества В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя.

The present paper is a review of I. A. Poplavskaya's monographic research devoted to the study of poetry and prose as two types of artistic merit and to the forms of their mutual influence and interaction exemplified by the works of V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin, M. Y. Lermontov, N. V. Gogol.

**Ключевые слова:** поэзия, проза, эстетическая модель мира, прозиметрия, поэтическая центрация.

**Keywords:** poetry, prose, aesthetic world model, prosimetria, poetic centering.

В современном отечественном и европейском литературоведении не ослабевает внимание к поэзии и прозе как родовым и видовым художественным структурам в плане теоретической и исторической поэтики, в связи с категорией художественного текста, на основе активного изучения риторических форм в их соотношении с поэтикой. По-прежнему дискуссионной остается проблема разграничения поэзии и прозы как разных типов художественности.

В монографии И. А. Поплавской рассматривается взаимодействие поэзии и прозы как одно из направлений в изучении данной проблемы. Привлекая обширный круг теоретических исследований, автор подробно останавливается на структурно различных принципах организации поэтического и прозаического текста, парадигмальном и синтагматическом, на разных способах организации речевого материала, считая наиболее продуктивным «структурно-семантический критерий», по которому исследователи разграничивают «автоцентрическую» (мифоцентрическую) эстетическую модель мира в поэзии и «логоцентрическую» в прозе [1, с. 13]. Продуктивными представляются сформулированные в монографии онтологические характеристики поэзии и прозы, основанные на выявлении в них родовых понятий *состояния* ( для поэзии ) и *процессуальности, события* ( для прозы ).

Проблему соотношения поэзии и прозы автор монографии предлагает рассмотреть в диахронии. Следуя этой цели, для подробного изучения удачно выбран историко-литературный период первой трети XIX века, когда границы этих родов литературы были подвижны и когда параллельно становлению поэзии и прозы в русской эстетике происходило их первоначальное осмысление. Рассматриваются программные произведения ведущих авторов, связанные с начальным временем формирования журнальной прозы, романтические метатекстовые стратегии взаимодействия лирики, возникновение лироэпоса. Данный

подход позволил по-новому охарактеризовать поэзию и прозу как типы художественного мышления, как жанровые и стилевые категории в процессе их размежевания и взаимодействия.

Характеризуя в первой главе особенности восприятия поэзии и прозы в русской теоретико-литературной мысли XVIII – XIX вв., И. А. Поплавская делает вывод о первенствующей категории стиля для разграничения поэзии и прозы в период риторической культуры и «рефлексивно-традиционалистского» художественного сознания, обосновывая это обращением к теоретико-литературным трактатам XVIII – XIX вв. М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, В. С. Подшивалова, А. Д. Байбакова, И. С. Рижского и др. Объективность и особая ценность принятого обзора состоит в привлечении и систематизации целого ряда уже забытых «риторик» и «поэтик» (работы Н. М. Яновского, И. М. Левитского, А. Г. Глаголева и др. не учтены в обобщающем исследовании: П. А. Николаев, А. С. Курилов, А. Л. Гришунин. История русского литературоведения. – М., 1980), обращение к которым воссоздает в полноте картину перехода от риторической теории поэзии к эстетике, которая наметилась в программных произведениях Н. Ф. Кошанского, Н. И. Греча, Н. Ф. Остолопова, А. И. Галича.

В главе, посвященной особенностям взаимодействия поэзии и прозы в литературе русского романтизма, объектом изучения закономерно выбрана многогранная деятельность В. А. Жуковского, редактора, поэта, автора прозаических опытов. Соотнося модель журнала «Вестник Европы» с категорией романтического универсализма и развивая оценку журнальной деятельности поэта как «начального этапа эволюции романтической эстетики и эстетики жизнестроительства» [с. 67], глубоко обоснованную в трудах томских исследователей, И. А. Поплавская развивает этот подход на новой основе. Отчетливо намечены продуктивные текстопорождающие коды и стратегии

связей поэзии и прозы в журнале, описанные как «код имени» и «код события», убедительно подтверждаемые обращением к кругу журнальных авторов. В от-рефлектированных «авторских мифах» и «авторских сюжетах» проявлена архетипическая основа парадигмы сюжетов и мотивов, раскрыто становление антропологической концепции раннего русского романтизма, развитие жанровых форм.

Исследуя особенности диалогических отношений поэзии и прозы на материале творчества В. А. Жуковского, автор монографии характеризует «межтекстовую интерференцию», возникающую в поэтическом переложении «Марьиной рощи», выполненном А. И. Мещевским, и варьирование балладных сюжетов в стихотворных повестях, дополненное системой курсивов. На основе анализа повествования и межтекстовых параллелей как важнейших средства интеграции поэзии и прозы в сборнике, И. А. Поплавская убедительно показывает, что основой синтеза поэзии и прозы для Жуковского была «философия жизне-строительства, основанная на единстве жизни и литературной биографии, на собирании различных обликов поэта... в некое целостное сверх «Я», а художественными формами проявления этого синтеза становится гипертекстуальность и изоморфные основным художественным тропам отношения метафористики, метонимии, синекдохи, которые лежат в основе «межтекстовой интерференции» и параллелизма [1, с. 143 – 144].

Третья глава посвящена роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин», одному из самых ярких примеров размежевания и одновременно сближения поэзии и прозы в литературе обозначенного периода. И. А. Поплавская развивает утверждение о присутствии в романе поэтического и прозаического художественного моделирования действительности, высказанные в работах ведущих пушкинистов, и рассматривает продуктивный синтез поэзии и прозы в связи с полифоническим сюжетом, который создают роман героев, роман автора и роман жизнетворчества. На этой основе характеризуется соотношение прозаических примечаний и комментируемых «доминантных» строф, выявляющее ранее не отмеченные в пушкинистике либо прокомментированные по-другому смысловые связи поэзии и прозы (тождество поэтической и прозаической моделей действительности, сюжетно-фокусирующие акценты, доминантные строфы). Поэзия и проза в пушкинском тексте на стилистическом уровне оригинально рассматривается в связи с «приемом парантезы», «сентенциозным словом», что значительно обогащает сложившееся представление о стилистическом мире романа.

В качестве второго примера прозиметрии в творчестве А. С. Пушкина автор привлекает цикл «Повести Белкина», в котором поэзия и проза соотношены по принципу кумуляции и на уровне внутреннего структурно-семантического единства. Уникальность пушкинской прозиметрии возникает в «множественных внешних перекодировках» заявленной в поэтических эпиграфах «философии судьбы» и поступков героев, в комплексе «метельных сюжетов», развивающих соотношение поэзии и прозы в художественном мире повестей.

Одно из центральных мест в монографии И. А. Поплавской занимает глава, посвященная динамике взаимодействия поэзии и прозы в творчестве М. Ю. Лермонтова. Это закономерно, поскольку лирика, лироэпос и проза у этого автора особенно глубоко внутренне связаны, создаются параллельно, на всем протяжении творчества имеют переключки, автотитации.

Сформированное в ранней лирике поэта противопоставление «мыслей и слов», звучащего слова и тайных дум, как отмечается в исследовании, выступает основой лермонтовской эстетики «невывразимого», формирующей отражение сложного внутреннего мира лирического героя, в раскрытии которого совмещаются внешняя и внутренняя точки зрения.

Прозаическая составляющая ранней лирики формируется в дневниковости и автобиографизме основных мотивов и состояний лирического героя. Целый ряд стихотворений сопровождается прозаическими пояснениями, которые локализуют переживания автора, возвращают к реально пережитым состояниям, прочитанным произведениям других авторов, образуя вокруг стихотворений особое «семантическое поле, центром которого становится «бытовое «я» [1, с. 215]. Все это сближает лирические и прозаические формы и формирует диалектические связи бытийного и бытового.

Прозаическая составляющая лермонтовского стиля проявляется также в циклообразующих тенденциях, характерных для поэзии Лермонтова. Исследователь добавляет к уже известным новый «лироэпический цикл, объединенный популярным для романтизма сюжетом о встрече невесты с мертвым женихом» [1, с. 217].

Существенно дополняет представление о лермонтовской прозиметрии анализ лермонтовских писем, впервые, насколько нам известно, рассмотренных в аспекте эквивалентности поэзии и прозы и формирования новых смысловых значений мотивов в процессе множественной перекодировки, развития нарративных стратегий («исповедь», «семейная хроника», «семейный диалог»). Анализ писем со стихотворными вставками выявляет еще одну форму взаимовлияния прозы и поэзии, наряду с этим, по мысли исследователя, становится прообразом метатекстовой формы.

В разделе главы, посвященной поэтическим и прозаическим стратегиям текстообразования в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова», представлена особая структура, созданная автором. Развивая известную в лермонтоведении «позицию поющего» (И. Роднянская), которая определяет содержание, образность, интонацию всей книги, автор монографии выдвигает достаточно аргументированное новое предположение о том, что претекстом, архетекстом для всего сборника могли служить Псалтирь и образ библейского певца Давида.

По мысли И. А. Поплавской, основные темы сборника – «человек и человечество в истории и философия слова» [1, с. 231] – проявились в создании исторических сюжетов, пропущенных через фольклорные интерпретации, в формировании хронотопической организации метатекста. На уровне метатекста в сборнике создается целостная художественная картина

мира, которую формируют авторское, нарративное и персонажное слово в отдельном произведении и в «автометакоммуникации», возникающей между автором-создателем единичного произведения и автором-создателем всего сборника. В поэме «Мцыри», «итоговом произведении» сборника, экзистенциальный конфликт развивается на фоне истории, формируя две нарративных стратегии – повествовательную и исповедальную, два сюжета – событийный и коммуникативный? и активизируя повествовательную и риторическую природу слова.

Поэтический субстрат в прозе Лермонтова рассмотрен, начиная от ранних неоконченных опытов до романа «Герой нашего времени». Существенным представляется обращение к теоретико-литературным трудам А. Ф. Мерзлякова и В. Т. Плаксина, которое позволяет увидеть ранее не отмеченные лермонтовскими переключки стиля лермонтовской прозы с некоторыми теоретическими установками «Риторика» и «Краткого курса словесности», т. е. предположить «лабораторию» лермонтовской прозы.

В ранней прозе поэтический субстрат проявился в принципе «смены картин», внутренне связанном с риторикой иносказания, в интертекстуальных связях, сближающих роман «Вадим» с лирикой на основе переключки образов и мотивов.

В неоконченном романе «Княгиня Лиговская» И. А. Поплавская впервые выявляет взаимодействие внелитературного, биографического и литературного рядов, благодаря чему активизируются поэтические приемы создания художественного единства, а автобиографизм становится одной из текстопорождающих основ творчества.

В рассмотрении поэтической составляющей романа «Герой нашего времени» автор диссертации отмечает ряд ключевых мотивов, среди которых называет ранее не отмечавшиеся миромоделирующие мотивы открытого-закрытого окна, подъема – спуска, моря. К разряду поэтических форм автор относит и приемы дублирующих и симметричных действий героев, создающих более сложное представление автора о герое и героя о самом себе. Создаваемые роли и маски Печорина внутренне соотносятся с образами лирического героя и героев ролевой лирики Лермонтова.

На повествовательном уровне убедительно представлена двойственная функция героев-рассказчиков, являющихся субъектами действия, а потом субъектами воспоминания и рассказывания. Четко прослежены почти не замеченные в лермонтоведении романский и театральные коды повествования. Хотя трудно полностью согласиться с рядом «межпарагматических соответствий», например, мотива прощального поцелуя в «Ундине» В. А. Жуковского и в «Бэле», мотива сомнения и обретения веры в «Молитве» и в «Фаталисте» [1, с. 297 – 298].

Таким образом, поэтический субстрат в романе «Герой нашего времени» выражается в более сложном синтезе поэзии и прозы, выявляясь в динамике взаимодействия целого ряда композиционно-речевых форм, мотивов, образов, соотносимых со всем контекстом лирики поэта.

В последней главе книги рассматривается взаимодействие поэзии и прозы в развитии творчества Н. В. Гоголя. В сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» автор выявляет «код песни» и «код рассказывания» и раскрывает поэтические стратегии повествования в обращении к фольклорным и литературным жанрам, к формам живого звучащего слова и превращения устного рассказа в письмо. В сборнике «Миргород» отмечена новая форма присутствия поэтического начала, которое обрело мировоззренческий характер, создавая установку на возвращение изначального единства и целостности мира. Поэтическое начало в петербургских повестях Гоголя автор диссертации связывает с «живописным» и «сценическим» кодами, находящимися в отношениях взаимодополнительности, а в повествовательной структуре – с жанровыми стратегиями, формирующими разные типы рассказчиков, разное соотношение голоса, письма и текста.

«Поэтическая центрация» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души», понимаемая автором диссертации в категориях бахтинской эстетики как «избыточная вненаходимость автора по отношению к героям» [1, с. 348], рассматривается в связи с особенностями повествования, мифопоэтикой и сюжетом. Поэтическое начало проявлено в песенных нарративах, в поэтических подтекстах и цитациях. Наиболее убедительным и новым представляется рассмотрение сквозного словесного мотива покоя, ярко характеризующего авторскую мифологию, авторское религиозно-нравственное представление о внутреннем преображении человека и связанного с сотериологическим мифом Гоголя.

Завершая рецензию на книгу И. А. Поплавской, хотелось бы дать общую оценку проведенного исследования русской литературы первой трети XIX века в аспекте взаимодействия поэзии и прозы и эстетического осмысления их родовых, современного выбранному периоду. Новизна теоретико-литературной основы исследования состоит, на наш взгляд, в том, что поэзия и проза впервые рассмотрены как особые типы художественного мышления, формирующие логоцентрическую и автоцентрическую эстетические модели мира, реализуемые в особенностях образа и слова.

Главным историко-литературным достоинством работы является создание целостной картины взаимодействия поэзии и прозы в отмеченной эпохе и раскрытие многоуровневых форм проявления этого процесса в области двух типов речевой организации художественных текстов. Выявляя особенности образа и слова в поэзии и в прозе и привлекая для этого важнейшие категории литературоведческого анализа (автор, читатель, жанр и др.) автор монографии существенно дополняет, уточняет и развивает сложившиеся характеристики ведущих произведений В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя.

Представленное монографическое исследование И. А. Поплавской, посвященное типам взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX века, обладает несомненной научной новизной и ценностью и представляет интерес для специалистов-филологов, а также для преподавателей, аспи-

рантов, магистрантов и студентов, изучающих русскую литературу.

### Литература

1. Поплавская, И. А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в. / И. А. Поплавская. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2010. – 378 с.

### Информация об авторе:

*Ходанен Людмила Алексеевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора КемГУ, 89131206032, [hodanen@yandex.ru](mailto:hodanen@yandex.ru), [hodanen@kemcity.ru](mailto:hodanen@kemcity.ru).

*Liudmila A. Khodanen* – Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Russian Literature and Folklore, Kemerovo State University.